

АНТОН ИВАНОВИЧ

ДЕНИКИН

*ОЧЕРКИ РУССКОЙ СМУТЫ:
БОРЬБА ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

р у с с к а я к л а с с и к а

Эксклюзив: Русская классика

Антон Деникин

**Очерки русской смуты.
Борьба генерала Корнилова**

«Издательство АСТ»

1922

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Деникин А. И.

Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова /
А. И. Деникин — «Издательство АСТ», 1922 — (Эксклюзив:
Русская классика)

ISBN 978-5-17-187980-8

Во втором томе «Очерков русской смуты» бывший главнокомандующий Вооруженными силами Юга России Антон Иванович Деникин повествует о событиях, произошедших в стране с августа 1917 года по апрель 1918 года – о последних днях диктатуры Керенского и Октябрьском перевороте, о созыве и разгоне Учредительного собрания, о Брестском мире и начале Гражданской войны. Но в фокусе внимания автора находится один конкретный человек – герой Русско-японской и Первой мировой войн, ярый патриот своей страны – генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Из этой книги мы узнаем об аресте и Быховском сидении, о формировании Добровольческой армии и Ледяном походе, о штурме Екатеринодара и трагической гибели генерала.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-187980-8

© Деникин А. И., 1922
© Издательство АСТ, 1922

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Антон Деникин

Очерки русской смуты.

Борьба генерала Корнилова

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

31 марта 1918 года русская граната, направленная рукой русского человека, сразила великого русского патриота. Труп его сожгли и прах рассеяли по ветру.

За что? За то ли, что в дни великих потрясений, когда недавние рабы склонялись перед новыми владыками, он сказал им гордо и смело: «Уйдите, вы губите русскую землю»?

За то ли, что, не щадя жизни, с горстью войск, ему преданных, он начал борьбу против стихийного безумия, охватившего страну, и пал поверженный, но не изменивший долгу перед Родиной?

За то ли, что крепко и мучительно любил он народ, его предавший, его распявший?

Пройдут года, и к высокому берегу Кубани потекут тысячи людей поклониться праху мученика и творца идеи возрождения России. Придут и его палачи.

И палачам он простит.

Но одним не простит никогда.

Когда Верховный главнокомандующий томился в Быховской тюрьме в ожидании шемакина суда, один из разрушителей русской храмины сказал: «Корнилов должен быть казнен; но когда это случится, приду на могилу, принесу цветы и преклоню колена перед русским патриотом».

Проклятье им – прелюбодеям слова и мысли! Прочь их цветы! Они оскверняют святую могилу.

Я обращаюсь к тем, кто и при жизни Корнилова, и после смерти его отдавали ему цветы своей души и сердца, кто некогда доверил ему свою судьбу и жизнь.

Средь страшных бурь и боев кровавых останемся верными его заветам. Ему же – вечная память!

*Речь, произнесенная автором в Екатеринодаре в 1919 году.
Брюссель, 1922 год*

Глава I

Расхождение путей революции. Неизбежность переворота

Широкое обобщение слагаемых сил революции в две равнодействующие – Временное правительство и Совет – допустимо в известной степени лишь в отношении первых месяцев революции. В дальнейшем течении ее происходит резкое расслоение в среде правящих и руководящих кругов, и месяцы июль и август дают уже картину многосторонней междоусобной борьбы. Наверху эта борьба идет еще в довольно отчетливых границах, разделяющих борющиеся стороны, но отражение ее в массах являет образ полного смешения понятий, неустойчивости политических взглядов и хаоса в мыслях, чувствах и движениях. Иногда только, в дни серьезных потрясений, происходит вновь дифференциация, и вокруг двух борющихся сторон собираются самые разнородные и зачастую политически и социально враждебные друг другу элементы. Так было 3 июля (восстание большевиков) и 27 августа (выступление Корнилова). Но тотчас же по миновании острого кризиса внешнее единение, вызванное тактическими соображениями, распадается, и пути вождей революции расходятся.

Резкие грани прошли между тремя главенствующими учреждениями: Временным правительством, Советом (Центральный исполнительный комитет) и Верховным командованием.

В результате длительного правительственного кризиса, вызванного событиями 3–5 июля, разгромом на фронте и непримиримой позицией, занятой либеральной демократией, в частности кадетской партией, в вопросе об образовании власти¹, Совет вынужден был освободить формально министров-социалистов от ответственности перед собою и предоставить право Керенскому единолично формировать правительство. Объединенные центральные комитеты постановлением от 24 июля обусловили поддержку со стороны советов правительству соблюдением им программы 8 июля и оставляли за собою право отзывать министров-социалистов в случае уклонения их деятельности от намеченных программой демократических задач. Но тем не менее факт известной эмансипации правительства от влияния советов, как результат растерянности и ослабления руководящих органов революционной демократии в июльские дни, не подлежит сомнению. Тем более что в состав 3-го правительства вошли социалисты или маловлиятельные, или, как Авксентьев (министр внутренних дел), Чернов (министр земледелия), Скобелев (министр труда), несведущие в делах своего ведомства. Ф. Кокошкин в московском комитете партии к.-д. говорил: «За месяц нашей работы в правительстве совершенно не было заметно влияние на него Совдепа... Ни разу не упоминалось о решениях Совдепа, постановления правительства не применялись к ним». И внешне взаимоотношения изменились: министр-председатель не то избегал, не то игнорировал Совет и Центральный комитет, не появляясь на их заседаниях и не давая им, как раньше, отчета².

Но борьба – глухая, напряженная – продолжалась, имея ближайшими поводами расхождение правительства и центральных органов революционной демократии в вопросах о начавшемся преследовании большевиков, репрессиях в армии, организации административной власти и т. д.

Верховное командование занимало отрицательную позицию как в отношении Совета, так и правительства. Как постепенно назревали такие отношения, говорилось в 1 томе. Оставляя в стороне детали и поводы, обострившие их, остановимся на основной причине: генерал Корнилов стремился явно вернуть власть в армии военным вождям и ввести на территории

¹ К. д-ты требовали создания власти, покоящейся «на общенациональной почве» и представленной лицами, «не ответственными ни перед какими организациями и комитетами».

² Был один раз за 1 1/2 месяца.

всей страны такие военно-судебные репрессии, которые острием своим в значительной степени были направлены против советов и особенно их левого сектора. Поэтому, не говоря уже о глубоко политическом расхождении, борьба советов против Корнилова являлась вместе с тем борьбой их за самосохранение. Тем более что давно уже в руководящих органах революционной демократии капитальнейший вопрос обороны страны потерял свое самодовлеющее значение и, по свидетельству Станкевича, если иногда и выдвигался в Исполнительном комитете на первый план, «то только как средство для сведения других политических счетов». Совет и Исполнительный комитет требовали поэтому от правительства смены Верховного главнокомандующего и разрушения «контрреволюционного гнезда», каким в их глазах представлялась Ставка.

Керенский, фактически сосредоточивший в своих руках правительственную власть, очутился в особенно трудном положении: он не мог не понимать, что только меры сурового принуждения, предложенные Корниловым, могли еще, быть может, спасти армию, освободить окончательно власть от советской зависимости и установить внутренний порядок в стране. Несомненно, освобождение от советов, произведенное чужими руками или свершившееся в результате событий стихийных, снимавших ответственность с Временного правительства и Керенского, представлялось ему государственно-полезным и желательным. Но добровольное принятие предуказанных командованием мер вызвало бы полный разрыв с революционной демократией, которая дала Керенскому имя, положение и власть и которая, невзирая на оказываемое ею противодействие, все же, как это ни странно, служила ему хоть и шаткой, но *единственной* опорой. С другой стороны, восстановление власти военного командования угрожало не реакцией – об этом Керенский часто говорил, хотя вряд ли серьезно в это верил, – но, во всяком случае, перемещением центра влияния от социалистической к либеральной демократии, крушением социал-революционной партийной политики и утратой преобладающего, быть может, и всякого, влияния его на ход событий. К этому присоединилась и личная антипатия между Керенским и генералом Корниловым, из которых каждый не стеснялся высказывать подчас в весьма резкой форме свое отрицательное отношение один к другому и ожидал встретить не только противодействие, но и прямое покушение с противной стороны. Так, генерал Корнилов опасался ехать к 10 августа в Петроград на заседание Временного правительства, ожидая почему-то смещения с поста и даже личного задержания... И, когда все же по совету Савинкова и Филоненко он поехал, его сопровождал отряд текинцев, которые поставили пулеметы у входов в Зимний дворец во время пребывания там Верховного главнокомандующего. В свою очередь, Керенский еще 13–14 августа в Москве в дни государственного совещания ожидал активного выступления со стороны приверженцев Корнилова и принимал меры предосторожности. Несколько раз Керенский возбуждал вопрос об удалении Корнилова, но, не встречая сочувствия этому решению ни в военном министерстве, ни в среде самого правительства, с тревогой ждал развития событий. Еще 7 августа помощник комиссара при Верховном главнокомандующем предупредил Корнилова, что вопрос о его отставке решен в Петрограде окончательно. Корнилов ответил: «Лично меня вопрос о пребывании на посту мало занимает, но я прошу довести до сведения кого следует, что такая мера вряд ли будет полезна в интересах дела, так как может вызвать в армии волнения».

Раскол не ограничивался вершинами власти: он шел глубже и шире, поражая бессилием ее органы.

Временное правительство представляло механическое соединение трех групп, не связанных между собой ни общностью задач и целей, ни единством тактики: министры-социалисты³,

³ Авксентьев (с.-р.), Скобелев (с.-д.), Пешехонов (н.-с.), Чернов (с.-р.), Зарудный (с.-р.), Прокопович (с.-д.), Никитин (с.-д.).

либеральные министры⁴ и отдельно – триумвират в составе Керенского (с.-р.), Некрасова (р.-д.) и Терещенко (бесп.). Если часть представителей первой группы находила зачастую общий язык и одинаковое государственное понимание с либеральными министрами, то Авксентьева, Чернова и Скобелева, сосредоточивших в своих руках все важнейшие ведомства, отделяла от них пропасть. Впрочем, значение обеих групп было довольно ничтожно, так как триумвират «самостоятельно решал все важнейшие вопросы вне правительства, и иногда даже решения их не докладывались последнему»⁵. Протесты министров против такого порядка управления, представлявшего совершенно неприкрытую диктатуру, оставались тщетными. В частности, свое расхождение с Корниловым и вопрос о предложенных им почти ультимативно мероприятиях Керенский старался всемерно изъять из обсуждения правительства.

Несколько в стороне от этих трех групп, вызывая к себе сочувствие либеральной, оппозицию социалистической и плохо скрытое раздражение триумvirата, стояло военное министерство Савинкова⁶. Савинков порвал с партией и с советами. Он поддерживал резко и решительно мероприятия Корнилова, оказывая непрестанное и сильное давление на Керенского, которое, быть может, увенчалось бы успехом, если бы вопрос касался только идеологии нового курса, а не угрожал Керенскому перспективой самоупразднения... Вместе с тем Савинков не шел до конца и с Корниловым, не только облекая его простые и суровые положения в условные внешние формы «завоеваний революции», но и отстаивая широкие права военно-революционных учреждений – комиссаров и комитетов. Хотя он и признавал чужеродность этих органов в военной среде и недопустимость их в условиях нормальной организации, но... по-видимому, надеялся, что после прихода к власти комиссарами можно было назначать людей «верных», а комитеты – взять в руки. А в то же время бытие этих органов служило известной страховкой против командного состава, без помощи которого Савинков не мог достигнуть цели, но в лояльность которого в отношении себя он плохо верил. Характер «содружества» и сотрудничества генерала Корнилова и Савинкова определяется тем небезынтересным фактом, что приближенные Корнилова считали необходимым во время приездов Савинкова в Ставку и в особенности во время их бесед с глазу на глаз принимать некоторые меры предосторожности... Так было не только в конце августа в Могилеве, но и в начале июля в Каменец-Подольске.

Савинков мог идти с Керенским против Корнилова и с Корниловым против Керенского, холодно взвешивая соотношение сил и степень соответствия их той цели, которую он преследовал. Он называл эту цель – спасением Родины; другие считали ее личным стремлением его к власти. Последнего мнения придерживались и Корнилов, и Керенский.

Раскол созрел и в руководящих органах революционной демократии. Центральный исполнительный комитет советов все более и более расходился с Петроградским советом как по вопросам принципиальным, в особенности о конструкции верховной власти, так и вследствие претензии обоих на роль высшего представительства демократии. Более умеренный Центральный комитет не мог уже состязаться пленительными для масс лозунгами с Петроградским советом, неудержимо шедшим к большевизму. В среде самого совета по основным политическим вопросам все чаще обозначалась прочная коалиция меньшевиков-интернационалистов, левых социал-революционеров и большевиков. Если обострялись сильно грани между двумя основными подразделениями социал-демократии, то еще резче проявилось разложение другой главенствующей партии – социал-революционеров, из которой после июльских дней, не порывая еще окончательно формальной связи со старой партией, выделилось левое крыло ее, наиболее яркой представительницей которого была Спиридонова. В течение августа левые с.-ры., возросши численно в советской фракции чуть ли не до половины ее состава, становятся

⁴ Ольденбург, Юренев, Кокошкин, Карташов (к. д.-ты), Ефремов (р.-д.).

⁵ Доклад Ф. Кокошкина 31 августа.

⁶ Управляющий – Савинков, начальник политического отделения – Степун, комиссар при Ставке – Филоненко.

в резкую оппозицию и к партии, и к кругам, единомышленным с Центральным исполнительным комитетом, требуя полного разрыва с правительством, отмены исключительных законов, немедленной социализации земли и сепаратного перемирия с центральными державами.

В такой нервной, напряженной атмосфере протекали весь июль и август месяцы. Трудно учесть и разграничить зависимость двух аналогичных явлений полного разброда – среди правящих и руководящих верхов, с одной стороны, и народной массы – с другой: был ли разброд наверху прямым отражением того состояния брожения страны, в котором еще не могло определиться конечных целей, стремлений и воли народной, или наоборот – болезнь верхов поддерживала и углубляла процесс брожения. В результате, однако, не только не появлялось ни малейших признаков оздоровления, а наоборот, все стороны народной жизни быстро и неизменно шли к полному расстройству.

Участились и внешние проявления этого расстройства, в особенности в области обороны страны. 20 августа разразилась рижская катастрофа, и германцы явно начали готовиться к большой десантной операции, угрожавшей Ревелю и Петрограду. В то время когда производительность военной промышленности падала в угрожающих размерах (снарядное производство – на 60%), 14 августа происходит вызванный, несомненно, злонамеренно грандиозный взрыв пороховых заводов и артиллерийских складов в Казани, которым уничтожено было до миллиона снарядов и до 12 тысяч пулеметов. Во второй половине августа назревала всеобщая железнодорожная забастовка, угрожавшая параличом нашему транспорту, голодом на фронте и всеми сопряженными с этим явлением роковыми последствиями. В армии участились случаи самосудов и неповиновения. То словоблудие, которое текло непрерывно из Петрограда и там отравляло и опьяняло мысль и совесть верхов революционной демократии, на широкой арене народной жизни обращалось в прямое действие. Целые области, губернии, города порывали административную связь с центром, обращая русское государство в ряд самодовлеющих и самоуправляющихся территорий, связанных с центром почти исключительно... неимоверно возросшей потребностью в государственных денежных знаках. В этих «новообразованиях» постепенно пропадал вызванный первым подъемом революции интерес к политическим вопросам и разгоралась социальная борьба, принимая все более сумбурные, жестокие, негосударственные формы.

А на фоне этой разрухи надвигалось новое потрясение – вновь и явно подготовлявшееся восстание большевиков. Оно было приурочено к концу августа. Если тогда могли возникать сомнения и колебания в оценке положения и грозящей опасности, в выборе «равнодействующей» и в томительных поисках жизнеспособной коалиции, то теперь, когда август 1917 года – уже далекое прошлое, сделавшееся достоянием истории, не может быть никаких сомнений, по крайней мере, в одном: что только власть, одухотворенная решимостью беспощадной борьбы с большевизмом, могла спасти страну, почти обреченную.

Этого не мог сделать Совет, органически связанный со своим левым крылом. Не мог и не хотел, «не допуская борьбы с целым политическим течением» и лицемерно требуя от правительства прекращения «незаконных арестов и преследования», применяемых к «представителям крайних течений социалистических партий»⁷.

Этого не мог и не хотел сделать и Керенский – товарищ председателя Совета, грозивший некогда большевикам «железом и кровью». Даже 24 октября, то есть накануне решительного большевистского выступления, признав наконец «действия русской политической партии (большевиков) предательством и изменой Российскому государству», Керенский, говоря о захвате власти в петроградском гарнизоне военно-революционным комитетом, поясняет: «Но и здесь военная власть *по моему указанию*, хотя и было наличие всех данных для того, чтобы

⁷ Резолюции 24 июля и 20 августа.

приступить к решительным и энергичным мерам, считала надобным дать сначала людям возможность сознать свою сознательную или бессознательную ошибку»⁸.

Таким образом, стране предстояла альтернатива: без борьбы и в самом непродолжительном времени подпасть под власть большевиков или выдвинуть силу, желающую и способную вступить с ними в решительную борьбу.

⁸ Речь в «Совете республики».

Глава II

Начало борьбы: генерал Корнилов, Керенский и Савинков. Корниловская «записка» о реорганизации армии

В борьбе между Керенским и Корниловым, которая привела к таким роковым для России результатам, замечательно отсутствие прямых политических и социальных лозунгов, которые разъединяли бы борющиеся стороны. Никогда, ни до выступления, ни во время него – ни официально, ни в порядке частной информации, – Корнилов не ставил определенной «политической программы». Он ее не имел. Тот документ, который известен под этим названием, как увидим ниже, является плодом позднейшего коллективного творчества быховских узников. Точно так же в сфере практической деятельности Верховного главнокомандующего, облеченного не отмененными правами в области гражданского управления на территории войны, он избегал всякого вмешательства в правительственную политику. Единственный приказ его в этой сфере имел в виду земельную анархию и, не касаясь правовых взаимоотношений землевладельцев, устанавливал лишь судебные репрессии за насильственные действия, угрожавшие планомерному продовольствованию армии вследствие «самоуправного расхищения на театре военных действий государственного достояния». Достойн внимания ответ Корнилова явившимся к нему подольским землевладельцам:⁹

– Вооруженную силу для охраны урожая, необходимого для армии, я дам. Я не постесняюсь применять эту вооруженную силу по отношению к тем безумцам, которые, ради удовлетворения низменных инстинктов, губят армию. Но я не задумаюсь также расстрелять любого из вас в случае обнаружения нерадения или злоумышления при сборе нынешнего урожая.

Несколько неожиданно отсутствие яркой политической физиономии у вождя, который должен был взять временно в свои руки руль русского государственного корабля. Но при создавшемся к осени 1917 года распаде русской общественности и разброде политических течений казалось, что только такого рода нейтральная сила при наличии некоторых благоприятных условий могла иметь шансы на успех в огромном численно, но рыхлом интеллектуально сочетании народных слоев, стоявших вне рамок «революционной демократии». Корнилов был солдат и полководец. Этим званием своим он гордился и ставил его всегда на первый план. Мы не можем читать в душах. Но делом и словом, подчас откровенным, не предназначавшимся для чужого слуха, он в достаточной степени определил свой взгляд на предстоящую ему роль, не претендуя на политическую непогрешимость, он смотрел на себя как на могучий таран, который должен был пробить брешь в заколдованном круге сил, облечивших власть, обезличивших и обескровивших ее. Он должен был очистить эту власть от элементов негосударственных и ненациональных и во всеоружии силы, опирающейся на восстановленную армию, поддержать и провести эту власть до изъявления подлинной народной воли.

Но слишком, быть может, терпимый, доверчивый и плохо разбиравшийся в людях, он не заметил, как уже с самого зарождения его идеи ее также облепили со всех сторон элементы малогосударственные, иногда просто беспринципные. В этом был глубокий трагизм в деятельности Корнилова.

Политический облик Корнилова остался для многих неясным и теперь, три с лишним года спустя после его смерти. Вокруг этого вопроса плетутся легенды, черпающие свое обоснование в характере того окружения, которое не раз творило его именем свою волю.

На этом шатком и слишком растяжимом основании, представленном в широком диапазоне – от мирного террориста через раскаявшегося трудовика до друга Иллиодора, можно

⁹ В начале июля на Юго-Западном фронте.

выводить какие угодно узоры, с одинаковым вероятием на полное искажение истины. Монархист – республиканец. Реакционер – социалист. Бонапарт – Пожарский. «Мятежник» – народный герой. Такими противоположениями полны отзывы о покойном вожде. И, если «селянский министр» Чернов некогда в своем возмутительном воззвании объяснял планы Корнилова желанием «задушить свободу и лишить крестьян земли и воли», то митрополит Антоний в слове, посвященном памяти Корнилова, незадолго до оставления русской армией Крыма упрекнул погибшего... в «увлечении революционными идеями».

Верно одно: Корнилов не был ни социалистом, ни реакционером. Но напрасно было бы в пределах этих широких рамок искать какого-либо партийного штампа. Подобно преобладающей массе офицерства и командного состава, он был далек и чужд всякого партийного догматизма; по взглядам, убеждениям примыкал к широким слоям либеральной демократии; быть может, не углублял в своем сознании мотивов ее политических и социальных расхождений и не придавал большого значения тем из них, которые выходили за пределы профессиональных интересов армии.

Корнилова-правителя история не знает. Но Корнилова – Верховного главнокомандующего мы знаем. Этот Корнилов имел более, чем другие военачальники, смелости и мужества возвышать свой голос за растлеваемую армию и поруганное офицерство. Он мог поддерживать правительства и Львова и Керенского, независимо от сочувствия или не сочувствия направлению их политики, если бы она вольно и невольно не клонилась, по его убеждению, к явному разрушению страны. Он отнесся бы совершенно отрицательно в принципе, но, вероятно, не поднял бы оружия даже и против однородного социалистического правительства, если бы такое появилось у власти и, паче чаяния, проявило сознательное отношение к национальным интересам страны. Корнилов не желал идти «ни на какие авантюры с Романовыми», считая, что «они слишком дискредитировали себя в глазах русского народа»; но на заданный ему мною вопрос – что, если Учредительное собрание выскажется за монархию и восстановит павшую династию? – он ответил без колебания:

– Подчинюсь и уйду.

Но Корнилов не может мириться с тем, что «будущее народа – в слабых безвольных руках», что армия разлагается, страна стремительно идет в пропасть, и, «как истинный сын русского народа», в неравной борьбе без колебания и без сомнения «несет в жертву Родине самое большое, что он имеет, – свою жизнь»¹⁰. Этой, по крайней мере, непреложной истины не могут отрицать ни друзья, ни враги его.

Официально борьба Корнилова с Керенским (точнее, с триумвиратом) происходила на почве разногласия их по отношению к мероприятиям, предложенным в известной записке Корнилова.

¹⁰ Из «Обращения к народу» 28 августа 1917 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.